

КЛИМОВ Г. А.

РЕФЛЕКС ИНДОВЕРОПЕЙСКОГО ЛАРИНГАЛЬНОГО
В КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ?

Современное состояние различных версий ларингальной теории по-прежнему характеризуется интенсивными поисками точек опоры в материале исторически засвидетельствованных индоевропейских языков. Естественно предполагать, вместе с тем, что определенные перспективы дальнейшей разработки этой теории могут быть связаны в какой-то степени и с поисками рефлексов ларингальных фонем в заимствованном фонде других языков, исторические контакты которых с индоевропейскими представляются реальными уже для древнейшей поры (ср., в частности, опыт подобного рода, предпринятый в [1]). Среди последних в свете недавно сформулированной Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым гипотезы о переднеазиатской прародине индоевропейцев, локализовавшейся, по мнению авторов, в регионе к югу от картвельской языковой области [2, с. 865 и сл.], несомненного внимания заслуживают данные картвельских языков — едва ли не единственных сохранившихся представителей древнепереднеазиатского языкового ландшафта. Одним из итогов начального, по своему существу, этапа соответствующих разысканий явилось обнаружение примерно 35—40 древнейших картвельских индоевропеизмов, которые, как правило, невозможно непосредственно сопоставить с их аналогами в исторически засвидетельствованных индоевропейских языках, ср. [2, с. 877—879; 3, с. 153—157] (мнение о наличии всего лишь двух общекартвельских индоевропеизмов [4, с. 237] основано на встречающемся среди авторов, затрагивающих эту проблематику, невладении картвельским материалом).

В настоящей статье обсуждается возможность истолкования некоторых картвельских индоевропеизмов как содержащих отражение одного из индоевропейских ларингальных. Материальной базой исследования служит здесь фонологическая структура нескольких лексем, характеризующихся наличием бифонемного сочетания $\gamma\omega$ на месте начального и.-е. * γ (* γu) и, следовательно, не подчиняющихся формуле регулярных фонологических корреспонденций между картвельскими и индоевропейскими языками, как она рисуется в ностратических исследованиях В. М. Ильич-Свитыча, а также обычно имеющих более или менее ощутимую культурную окраску:

Картв.	* $\gamma\omega b\bar{e}$ -	«плести»	И.-е.	* $\gamma e b h$	«плести, ткать»
	* $\gamma\omega e d$ -	«ремень»		* $\gamma e d h$	«привязь, ремень»
	* $\gamma\omega e l$ -	«скручиваться»		* $\gamma e l$	«скручивать(ся), мотать»
	* $\gamma\omega e n k$ -	«изгибаться»		* $\gamma e (n) k$	«изгибаться»
	* $\gamma\omega i n o$ -	«вино»		* $\gamma e i n o$	«вино»
	* $\gamma\omega i$ -	«можжевельник»		* $\gamma e i$	обозначает не вьющихся или узорчатых растений
	* $\gamma\omega e r$ -	«клясться»		* $\gamma e r$	«торжественно говорить»

Нетрудно заметить, что приводимая картвельская серия, реконструируемая в большинстве случаев в соответствии с межязыковыми фонетическими корреспонденциями, обнаруживает единообразное отражение их индоевропейских прототипов, что позволяет предположительно соотнести ее усвоение с некоторой более или менее единой хронологической плоскостью (ср. также характерное для занимающей стороны обычное сужение исходной семантики). Для большинства ее составляющих можно привести целую совокупность аргументов, говорящих в пользу большой давности функционирования соответствующих лексем на картвельской почве — во всяком случае соотносящихся со временем не позднее эпохи грузинско-занского единства. Исключение в этом плане составляют груз. *γvia-* «можжевелинник», обнаруживающее позднейший словообразовательный элемент *-a* (ср. др.-груз. *γwl-*; вероятно, на правах грузинизма слово *γvia-* // *xvia-* известно в мегрельском), а также глагольная основа **γwer-*, засвидетельствованная лишь в сванском (ср. масдар *li-γwer*, *li-γwr-e*).

В пользу давности бытования рассматриваемых лексем на картвельской почве можно привести немало аргументов.

Глагольная база **γweb-*, укладывающаяся в одну из типовых моделей фонологической структуры общекартвельского корня, реконструируется на основе сопоставления груз. *γob-va*, мегр. *γob-ua*, лаз. *o-γob-u*, а также ее очевидных следов в сванском (отглагольном производном?) *γweb-* «улей» (для объяснения расхождения в семантике можно сослаться на практику плетения ульев у древних картвелов). Поскольку представленный в грузинско-занском материале вокализм исторически свойственен лишь основам звукосемантической и звукоподражательной природы, он, по-видимому, вторичен по отношению к огласовке *e* (ср. аналогичную историю вокализма, предполагаемую Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани для грузинского и занских континуантов картвельского **šwēn-* «показывать(ся)» [5, с. 251—253]). Бесспорно к тому же, что семантика этой основы повторяет древнейшее значение ее индоевропейского антецедента.

Вторая лексема, повторяющаяся во всех картвельских языках в почти неизменном облике, характеризуется сохранением исторического комплекса *we*, наблюдающегося и в ряде других исконных именных основ (ср. **gwel-* «змея», **šwel-* «серна», **z₃wel-* «старый» и др.). Поэтому нет необходимости считать мегр. и лаз. *γved-* (> мегр. *γwend-*) позднейшим грузинизмом. В древнегрузинском слово имело также значение привязи ярма, являющегося, как известно, древнейшим достоянием материальной культуры картвелов.

Общекартвельский характер глагольной основы **γwel-* : *γwl-* «скручивать(ся)» удостоверяется не только проявлением в ней аблаутного чередования архаичной модели, но прежде всего ее древними производными, среди которых общекартвельское **γwl-arǝ-* той же семантики с его закономерными продолжениями по всем языкам и груз.-зан. **γwl-ek-* : *γwl-k-* «извиваться».

Пракартвельское **γwenk-* : *γwnk-* «изгибаться, извиваться» может быть реконструировано на основе сопоставления мегр. *γvanḱ-*, отражающего занское передвижение гласных, и сван. *γunkw-* (масдар *li-γunkw-e*), а также, возможно, груз. *γvenǝ-* «сустав». Естественно сомневаться в принадлежности обеих последних глагольных основ к фонду культурной терминологии. Если, однако, учитывать исторически изменчивый характер культурной лексики, то такие сомнения нередко теряют свою категоричность (так, например, глагол «скручивать(ся)» окажется бесспорным культурным словом в условиях нововведенной технологии производства ве-

ревки). Впрочем, возможная некорректность отдельных из предлагающихся здесь сближений, например, последнего, едва ли способна снять самый предмет настоящего обсуждения.

Картвельское обозначение вина считается одним из звеньев широко распространенного в языках Евразии миграционного термина индоевропейского происхождения. Следует подчеркнуть то обстоятельство, что производство вина и, тем более, знакомство с ним в Грузии восходит к эпохе, задолго предшествовавшей началу армянско-грузинских контактов, обычно приурочиваемых примерно к VI в. до н. э., о чем свидетельствует хорошо разработанная терминология винопроизводства, сложившаяся у картвелов во всяком случае к периоду грузинско-завского единства [ср. **c₁ne_x* : *c₁nix*- «давить (виноград)», *(s)a-*c₁ne_x-el*- «давилица», **skend*- : *sknd*- «осаждать(ся)» (эта глагольная основа, по-видимому, также является одним из продуктов древнейшего ареального взаимодействия индоевропейских и картвельских языков: ср. и.-е. **skendh* той же семантики), **txl-* «осадок молодого вина», **zmar* // *l* «уксус», а также общекартв. **ter*- : *tr-* «напиваться, пьянеть»]. Его обозначение имеет, по всей вероятности, общекартвельский характер (предпринимавшиеся в прошлом попытки выведения картвельского слова из армянского или протоармянского источника наталкиваются, как неоднократно отмечалось в специальной литературе, и на препятствия фонетического порядка; ср. [6, с. 42; 7, с. 139—140; 8, с. 334]; нелегко сближаются картвельские названия вина и с их аналогами в анатолийских языках).

Если за давность изолированно стоящего др.-груз. *γvi*- «можжевелик» говорит только единообразное по сравнению с предшествовавшими примерами отражения и.-е. *v* (по наблюдениям В. Н. Топорова, название можжевелика распространилось по обширным и разноязычным территориям именно как «культурное слово» [9, с. 116]), то значительная древность исключительно сванской глагольной основы *γver* : *γur*- «клясться», по-видимому, подтверждается и характеризующим его вокализмом аблаутным чередованием архаичного типа (не менее существенно в последней связи наличие у этой основы апофонического именного коррелята *γwar*-«клятва»).

Как нетрудно заметить, ключевую роль в решении поставленного здесь вопроса играет адекватное определение хронологии появления начального *γ* в рассматриваемой картвельской серии. И здесь естественно видеть две основных возможности. С одной стороны, можно допустить, что его развитие происходило уже на собственно картвельской почве в достаточно древнюю историческую эпоху в силу фонетического механизма своего рода обострения (*Verschärfung*) общекартвельского глайда *w* (и в пользу такой возможности говорит его билабиальный, по всей вероятности, характер, о чем свидетельствует, как полагают, остаточное функционирование губно-губного *w* как в древнегрузинском, так и — особенно в определенных позиционных условиях — в различных диалектах современных картвельских языков). С другой стороны, можно предположить, что *γ* картвельской серии является отражением некоторого сегментного элемента, уже наличествовавшего в ее индоевропейских антецедентах.

Принятие первого допущения наталкивается на серьезные трудности, поскольку, судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, на картвельской почве подобное развитие представляет собой весьма позднее и, что еще более существенно — специфически сванское явление, не затрагивающее совокупности рассматриваемых картвельских фактов. Хронология этого процесса, реализованного и в самом сванском не впол-

не последовательно, определяется тем обстоятельством, что он охватывает здесь наряду с некоторыми исконными лексемами и явно поздние — в частности, средневековые — заимствования. Так, вместе со сван. *γwaš-«тур»* (< общекартв. **wac₁-«тур, горный козел»*) здесь имеем сван. *γwaz-«виноградная лоза»* при груз. *vaz-* (< арм. *vaz*), сван. *γwāž-* «юноша, парень» при груз. *važ-*, сван. *γwažār-* «торговец» при груз. *vačar-* (< арм. *vačar*) [10, с. 57—59]. В то же время всего два примера, приводившиеся в специальной литературе с целью обоснования подобного развития в грузинском и мегрельском (груз. *(γ)oynašo-* «тернослива» и *γviala-* — род игрушки типа волчка при мегр. *oγurinaia-* и лаз. *virvil-* — род вращающейся игрушки с ниточным управлением) недостоверны: в первом случае имеем дело с явно некартвельским по своему происхождению словом, вторичность начального спиранта в котором трудно показать (в сванском эта лексема является недавним грузинизмом и лишена начального *γ*), а во втором сопоставлены разнокоренные слова (в мегрельской лексеме выделена основа *γurin-*, в то время как лазское слово либо является редуцированным образованием, либо может быть сопоставлено, согласно догадке Ю. С. Степанова, с известной индоевропейской основой, представленной особенно близкими балто-славянскими формами типа др.-русск. *вьрвь* и литов. *virvė* «веревка»).

Не видно аргументов и в пользу допущения подобного фонетического процесса для сколько-нибудь отдаленного прошлого истории картвельских языков. Весьма показательны в этом плане, что если противоречат грузинские и занские продолжения таких безусловно общекартвельских лексем, как **waš-* «яблоко» (ср. и сванский континуант последнего *wisgw-*) и **wac₁-«тур, горный козел»*, не приобретающие начального *γ*. Не подвержены этому процессу и картвельские индоевропейизмы, по-видимому, соотносящиеся уже с последующей эпохой грузинско-занского единства, начальное и.-е. **u* в которых отражается в виде *v*: ср. груз.-зан. **we(l)-«поле, луг»* при и.-е. **uel* тж., груз.-зан. **wenaq-* «виноградная лоза» (сван. *wenāq-* «виноградник» отражает семантический сдвиг, характерный для соответствующего новогрузинского слова, и поэтому должно трактоваться как относительно поздний грузинизм) при и.-е. **ueinag* тж., груз.-зан. **werz₁-«самец, баран»* при и.-е. **uers* тж.

Если глубокая древность начального комплекса *γw* в рассматриваемой картвельской серии не может быть подвергнута сколько-нибудь серьезному сомнению, то возникает соблазн сопоставления ее составляющих с архетипами индоевропейских основ в их облике, предполагаемом в различных версиях ларингальной теории. В работах исследователей, разделяющих в принципе последнюю, встречаем запись соответствующих индоевропейских архетипов в виде **Hueb^(h)* [2, с. 585, 704, 884], **Huebh* [11, с. 147] или **₃uebh* [12, с. 192] и т. д. для первой основы, **Hued^(h)* [2, с. 756—757], *Huedh* [11, с. 84, 102] и т. д. для второй, **(H)uel* [13, с. 38, 291; 14, с. 36—37] для третьей, **Hu* [2, с. 583] для шестой, **Huer* [11, с. 86] или **(H)uerH^w* [13, с. 291] для седьмой, где *H* — символ того или иного ларингального. При условии правомерности непосредственного сопоставления картвельских фактов с этими архетипами возникает возможность подтвердить некоторые из известных положений современной ларингалистики. Так, с одной стороны, они оказываются в согласии с отмечаемой некоторыми авторами устойчивостью индоевропейских ларингальных в позиции в соседстве с сонантами и, в частности, с *w* [15, с. 27, 85]. С другой же стороны, представленное в них картвельское увулярное, а по другой классификации — фарингальное, *γ* могло бы как-то подкре-

пить точку зрения тех индоевропейцев, которые предполагают, что «позднее» индоевропейское *H* артикулировалось как звонкий фарингальный спирант [14, с. 88] (приводимые картвельские факты в лучшем случае способны пролить свет на антропофоническую характеристику «позднего» индоевропейского ларингала, считающегося продуктом совпадения обычно принимаемой для более ранней эпохи триады H_1 , H_2 и H_3 в единой фонеме).

В настоящее время не приходится, однако, переоценивать перспективы последовательного доказательства исторической зависимости картвельского γ от индоевропейского *H* в рассматриваемом материале. Необходимо подчеркнуть, что не во всех вовлеченных в сравнение индоевропейских основах видны достаточные основания для реконструкции начального ларингала, что получает свое отражение в несовпадении предлагаемых разными авторами их архетипов. Осложняет эти перспективы и обычный отказ исследователей от его реконструкции в индоевропейском обозначении вина. Преодолевающая, казалось бы, последнюю трудность стоящая особняком точка зрения А. С. Мельничука также не во всем согласуется с картвельским материалом. Автор постулирует в ходе принимаемой им дальней реконструкции единый индоевропейский глагольный корень **uei* (*uei*э, **ui*), несший широкую гамму значений, среди которых автор называет «вить, плести, ткать, гнуть», распределявшихся впоследствии между рядом производных от него основ [16, с. 4—5]. Признавая элемент *i* последнего историческим распространителем, на основе соображений как формального, так и семантического порядка, А. С. Мельничук приходит к выводу, согласно которому интересующие нас корни **uebh*, **uedh*, **uel* и некоторые другие, подобно **uei*, происходят в конечном счете от этимологически единого более древнего корня с начальным ларингальным (по автору — взрывным), отличаясь друг от друга различными распространителями [16, с. 7—9]. Нетрудно заметить, что сказанное выше приводит к постановке методически существенного вопроса о соотносительной ценности архетипа или конъектуры, получаемых в ходе дальней реконструкции, и облика их предполагаемого антецедента, реально засвидетельствованного в некотором языке на правах древнего заимствования.

Однако прежде чем задаться подобным вопросом, необходимо упомянуть другую возможность объяснения начального γ в рассматриваемой картвельской серии, подсказанную нам Э. Поломэ. В виду имеется возможность развития этого спиранта исключительно в заимствованном материале, подобно в некоторой степени аналогичному процессу, засвидетельствованному в истории французского языка, где в инициальной позиции перед историческим билабиальным *w* старых французских германизмов развивается заднеязычное *g*: ср. *guerre* < франк. *werra*, *guigner* < франк. *wingjan*, *guise* < франк. *wisa* и т. д. (ср. [17, с. 559—566]). Таким образом, в настоящее время вполне реально и возвращение к рассмотрению первой возможности на некотором новом уровне — с ограничением материала, подверженного закономерности развития начального γ , заимствованиями. Хотя в прошлом автор настоящей статьи уже высказывался в защиту версии о таком наращении [18, с. 174—175], нельзя не заметить, что принятие последней точки зрения ставит на пути решения вопроса свои препятствия. Так, в картвелистике обычно придерживаются мнения, согласно которому позднее специфически сванское наращение инициального γ объясняется адаптацией иноязычных заимствований с лабиодентальным *v* к сванской фонологической системе, в которой всецело гос-

подствует билабиальное *w* (ср. [10, с. 236]). Однако для глубокого прошлого аналогию подобного рода провести затруднительно, так как в пракартвельской фонологической системе предполагается наличие сонанта *w* (с неслоговым аллофоном скорее всего очень близким к билабиальному), едва ли сколько-нибудь существенно отличным от соответствующего индоевропейского сонанта, вследствие чего не видно оснований для его «обострения» в картвельских индоевропейизмах (как уже говорилось выше, в несколько более поздних индоевропейизмах, соотносящихся с грузинско-закавказским состоянием, начальное *Ϸ* отражалось, по-видимому, в виде *v*).

В заключение остается подчеркнуть, что какой бы из рассмотренных здесь альтернатив мы ни отдали предпочтение, принятие любой из них вносит свой вклад в дальнейшее обоснование тезиса о древних ареальных контактах между картвельскими и индоевропейскими языками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sköld T.* Drei finnische Wörter und die Laryngaltheorie // KZ. 1959. Bd 76. Hf. 1/2. S. 27—37.
2. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I. Тбилиси, 1984.
3. *Климов Г. А.* Об ареальной конфигурации протоиндоевропейского в свете данных картвельских языков // ВДИ. 1986. № 3.
4. *Shevoroshkin V.* Indo-European homeland and migrations // Folia linguistica historica. 1987. VII/2.
5. *Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
6. *Lafon R.* Mots «méditerranéens» en géorgien (et dans quelques autres langues caucasiques) // Revue des études anciennes. 1934. T. XXXVI.
7. *Deeters G.* // IF. 1938. Bd 56. Hf. 2. Rec.: Die Indogermanen und Germanenfrage. Neue Wege zu ihrer Lösung.
8. *Vogt H.* Arménien et caucasique du Sud // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1938. Bd IX.
9. *Топоров В. И.* Прусский язык. Словарь. I — К. М., 1980.
10. *Топуриа В. Т.* Фонетические наблюдения над картвельскими языками // Топуриа В. Т. Труды. III. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
11. *Schmitt-Brandt R.* Die Entwicklung des Indogermanischen Vokalsystems. Versuch einer inneren Rekonstruktion. Heidelberg, 1967.
12. *Бенвенист Э.* Индоевропейское именные словообразование. М., 1955.
13. *Adrados Fr. R.* Estudios sobre las laringales indo-europeas. Madrid, 1964.
14. *Гамкрелидзе Т. В.* Хеттский язык и ларингальная теория // Тр. Ин-та языкознания. Сер. вост. языков. Т. III. Тбилиси, 1960.
15. *Lehmann W. P.* Proto-Indo-European phonology. Austin, 1952.
16. *Мельничук А. С.* Этимологическое гнездо с корнем **uej* в славянском и других индоевропейских языках: Докл. на VIII Международном съезде славистов. Киев, 1978.
17. *Fouché P.* Phonétique historique du français. V. III: Les consonnes et index général. 2e édition revue et corrigée. P., 1966.
18. *Климов Г. А.* Дополнения к «Этимологическому словарю картвельских языков». II. // Этимология, 1983. М., 1985.